

Семантика глаголов каузированного перемещения *вортты*,
пөхәжты, *поткәты* в хантыйском языке

Г. Л. Нахрacheва

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
Galina_h-m@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. В данной работе проанализированы механизмы семантических сдвигов глаголов, обозначающих каузацию перемещения объекта, движение, ориентированное относительно субъекта.

Цель: выявить семантику глаголов со значением перемещения, помещения и локализации объектов в хантыйском языке и показать случаи пересечения зоны каузированного перемещения объектов со смежными семантическими полями.

Материалы исследования: словари хантыйского языка; тексты фольклорных сборников; полевые материалы автора.

Результаты и научная новизна. Впервые на материале хантыйского языка рассмотрены особенности функционирования глаголов каузированного перемещения объекта по поверхности с позиций лексической типологии. В хантыйском языке выделяется три основных глагола, которые можно назвать собственно глаголами каузированного перемещения по поверхности: *вортты*, *пөхәжты*, *поткәты*. Результаты проведённого исследования показывают, что изменения, которые претерпевают эти лексемы при семантическом переходе – неоднородны. В одних случаях – изменение значения сопровождается лишь сменой типа актанта, в других – трансформируются акциональные признаки предиката (сдвиг в статальную семантику); меняются характеристики субъекта и объекта; набор участников ситуации может увеличиваться или сокращаться, что отражается на морфологических и синтаксических свойствах конструкции в целом. Нами сформирована семантическая карта, наглядно показывающая, что семантические поля не существуют независимо друг от друга, а пересекаются и накладываются одно на другое за счёт смежности соответствующих им ситуаций.

Ключевые слова: лексическая типология, глагол, хантыйский язык, лексическая семантика, семантический сдвиг, метафоризация

Благодарности: автор выражает благодарность рецензентам и информантам за полезные рекомендации и ценные советы при подготовке материалов статьи.

Для цитирования: Нахрacheва Г. Л. Семантика глаголов каузированного перемещения *вортты*, *пөхәжты*, *поткәты* в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 4 (59). С. 670–677.

Semantics of verbs of causal displacement *vortty*, *pöhäjty*,
potkäty in the Khanty language

G. L. Nakhracheva

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
Galina_h-m@mail.ru

ABSTRACT

Introduction: the article analyzes the mechanisms of semantic shifts of verbs denoting the causation of object displacement and movement oriented relative to a subject.

Objective: to reveal the semantics of verbs with the meaning of displacement, placement and localization of objects in the Khanty language and to show cases of intersection of the zone of causal displacement of objects with adjacent semantic fields.

Research materials: dictionaries of the Khanty language, texts of folklore collections, field materials collected by the author.

Results and novelty of the research: for the first time, using the material of the Khanty language, the features of the functioning of verbs of causal displacement of an object on the surface were considered from the standpoint of lexical typology. In the Khanty language, three main verbs are distinguished, which can be called the verbs of causal displacement on the surface: *vortty*, *pöhäjty*, and *potkäty*. The results of the study show that the changes that these lexemes undergo during the semantic shift are heterogeneous. In some cases, a change in meaning is accompanied only by a change in the type of actant; in other cases, the actional features of the predicate are transformed (shift to static semantics); the characteristics of a subject and an object change; the set of participants in a situation may increase or decrease, which affects the morphological and syntactic properties of the structure as a whole. We have created a semantic map that clearly shows that semantic fields do not exist independently of each other, but intersect and overlap one another due to the contiguity of their respective situations.

Key words: lexical typology, verb, Khanty language, lexical semantics, semantic shift, metaphorization

Acknowledgments: the author express the gratitude to the reviewers and informants for useful recommendations and valuable advice in preparing the materials of the article.

For citation: Nakhracheva G. L. Semantics of verbs of causal displacement *vortty, pohajty, potkаты* in the Khanty language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (4/59): 670–677.

Введение

Данная статья продолжает исследование механизмов семантических переходов. Известно, что любой язык может по-разному передавать знания об окружающем мире, закодированные в форме языковых знаков. Различные способы лексикализации ситуации обуславливают межъязыковую вариативность, что и составляет языковую картину мира. Например, ситуация разрушения объекта в русском языке передаётся только глаголами деструкции *разбить, сломать*, а в хантыйском – конструкция («чашку разбили») может выражаться и глаголом *йакты* ‘танцевать’, который входит в группу глаголов способа движения. В исходном значении он относится к лексико-семантической группе глаголов движения, одновалентный. В переносном же значении он полностью меняет семантику и переходит в зону деструкции, кроме того в подобных переходных контекстах присутствуют семы «силы», «внезапности» и «интенсивности», а также «неодобрительности, недовольства» ситуацией со стороны говорящего. При этом для описания этой ситуации в хантыйском языке существуют глаголы разрушения со значением «сломать / разбить» *шўкатты / морэтты*, но они имеют преимущественно нейтральный контекст, ср:

Ма нӧн анэн шўкатсем (шур., каз.)

‘Я твою чашку сломала’;

Андлӧ ара йакмӧл

‘Они разбили чашки’ (каз.).

Исходя из примеров мы наблюдаем, что ситуация деструкции концептуализируется в хантыйском языке как колебательные амплитудные движения в пространстве, выражается глаголом *йакты* (движение → деструкция), а преверб *ара* вносит дополнительный смысл в ситуацию: указывает на то, что артефакты могут разрушаться или подвергнуться разрушению, разъединению, перемещению, изменению состояния и т. д. Таким образом, одной из актуальных задач нашего исследования является выявление подобных случаев «пограничности» и пересечения семантических зон. Смежность семантических зон возникает и за счёт метонимии, которая характеризуется сдвигом в пределах одного поля. Проблемы общности – различия метафоры и метонимии рассматривались многими учёными [14; 15; 16; 26; 27; 28], на труды которых мы будем опираться в своём исследовании.

В настоящее время в обско-угорском языкознании имеются работы, посвящённые рассмотрению разнообразных лексических полей, например, предикаты боли в хантыйском и мансийском языках [10; 11], на материале хантыйского языка: глаголы деструкции [24], глаголы эмоций [3], глаголы колебательного движения [22], интеллектуальной деятельности [5], глаголы восприятия [4], глаголы движения [7; 19]. Семантической классификации глаголов перемещения, описанию семантики моделей предложений, которые формируются глаголом *тӧты* ‘нести’ посвящена работа В. Н. Соловар [20], а также исследования, посвящённые более специальным видам перемещения – плаванию [21], вращению [25] и др.). Предметом нашего исследования является особый тип перемещения, при котором движение осуществляется относительно субъекта каузации, ранее не становившийся объектом изучения на материале обско-угорских языков.

Материалы и методы

Материал для написания статьи был собран нами в ходе экспедиций в Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа в 2023 г. Работа опирается на данные словарей [1; 2; 6; 8; 23; 29; 30] и тексты фольклорных сборников [13; 17; 18].

В качестве метода исследования языкового материала был взят за основу фреймовый подход, широко применяемый представителями Московской лексико-типологической группы, в основе которого лежит сочетаемость лексем. Языковой материал изучается по имеющимся словарям и уточняется во время опросов информантов. В результате выделяются прототипические ситуации для лексем исследуемого поля.

Результаты

Семантические поле «толкать»: фреймовая структура

В статье исследуются прямые и переносные значения глаголов семантической зоны «толкать». Семантика каждого из глаголов включает семы, указывающие на активную позицию агенса («будучи главным», «толкая», «передвигаясь вместе, рядом» и пр.) и подчинённость объекта («будучи грузом», «будучи слабым / большим / пьяным» и пр.). Семантическая структура этих

глаголов содержит два аргумента: субъект и объект. В качестве прототипического значения для этого семантического поля можно считать, соответственно, следующее: «У перемещает / двигает X от себя по поверхности чего-либо», где X может быть одушевлённым или неодушевлённым объектом, а в роли каузатора могут выступать только живые существа (человек или животное).

Основные глаголы, относящиеся в хантыйском языке к полю каузированного перемещения (субъект передвигает объект перед собой): *вортты* ‘толкать, отталкиваться (что-нибудь тяжёлое)’, *пэхэлты* ‘толкать, двигать’, *поткэты* ‘толкать’ – которые покрывают большинство фреймов данного поля. Помимо них мы рассмотрим семантические переходы и смежные с перемещением семантические зоны (глаголы касания (или контакта) и глаголы помещения в контейнер), где начальной точкой перемещения следует считать «контакт / прикосновение», а конечной – «помещение в контейнер».

Субъект воздействует на объект с помощью рук, при этом субъект передвигается сам, активизируя перемещение объекта перед собой, используя при этом свою силу и вес. Объект перемещается по горизонтальной поверхности, не отрываясь от поверхности. Таким образом, целью субъекта является передвижение вместе с объектом, который находится перед ним.

Глагол *вортты*

На начальной стадии глагол *вортты* каз., шур. (в сургутском диалекте имеется аналогичный по семантике глагол *вортэүсэта*), сохраняет идею применения силы «толкать всем телом, отталкивать кого-либо, что-либо, передвигать что-либо по поверхности чего-либо». В семантике глагола *вортты* фиксируется склонность сочетаться с названиями объектов большого размера (неподъёмных, тяжёлых предметов), которые перемещаются вместе с субъектом в контакте с поверхностью чего-либо: *Өхлэмэн кйт хуйатэн талльэмэн, нән йүлта вортэ, ма йэлта таллем* ‘Нарту вдвоём утащим, ты толкай сзади, я буду спереди тащить’ (каз.) [8, 51]; *Таньлайэн сора хопал нык вортсэлэ* ‘Данила быстро оттолкнул лодку от берега’ (каз.) [23, 364]; *Лөпән хопал вортсэлэ* ‘Веслом лодку оттолкнул’ (каз.); *Күл навэрт шуп йиңк унты үрайән вортсэм* ‘Толстое тяжёлое бревно до воды с трудом дотолкал’ (шур.) [6, 30]; *Тьэ җө күнчүинат вортэүсэлэ* ‘Этот мужчина локтями толкается’ (сург.) [1, 11]. *Микөл кят күрҗәләп ворт=әнт=әс, kew wūr ел хятәмәс* ‘Микуль двумя ногами толкнул, камень скатился’ (каз.) [9, 126].

В определённых контекстах происходит стирание исходного значения, глагол может начать употребляться в контекстах, описывающих не только перемещение тяжёлого объекта перед собой, но и использоваться в значении «помещать в контейнер»: *Холпелә вортсалы, уятты ат веритәл* ‘Куда-то засунул, найти не может’ (шур.) [ПМА: Нахрачев]. В результате перемещения задана конечная точка, в которой оказался или должен оказаться объект. Как показывает языковой материал, указание на контейнер, как цель перемещения существенно изменяет и семантику рассматриваемых глаголов. Модифицируются способ перемещения: объект уже не скользит по поверхности посредством субъекта, а переносится по воздуху. Меняются и свойства самого прототипического объекта: участник в позиции объекта – неодушевлённый предмет, из объёмного он становится маленьким и его можно поместить в контейнер. Наиболее близкими по значению синонимами *вортты* в подобных употреблениях являются глаголы *тэвалты* ‘затолкать, засунуть, набить чем-либо’, *метшиэты* ‘толкать, совать’, *лүкэмэты* ‘сунуть’, специализирующиеся как раз на помещении в контейнер, отверстие или погружение в жидкость: *Пурмәслан ма хирема тэваллы* ‘Вещи=твои в мой мешок затолкай’ (каз.) [23, 553]; *Ма муй вүрән каврам пүта йошем метшиәләм?* ‘Как я в горячий котёл руку суну?’ (каз.) [22, 328]; *Йошәл йиңка лүкэмәслэ* ‘Он засунул руку в воду’ (шур.); *Непекал пухала лүкэмәслэ* ‘Бумагу он сунул за пазуху’ (каз.) [23, 247]. Однако в отличие от них, глагол *вортты* предполагает значительные усилия со стороны субъекта, это свидетельствует о том, что либо входное отверстие контейнера меньше объекта, либо в контейнере недостаточно места: *Сухлан хира вортсэлэ* ‘Бельё в мешок он затолкал’ (каз.); *Курәл кәмәтса сорәм йүхән вортсалы, ци элты па күл ньар йүхән пөнтсалы* ‘В печку несколько сухих палок затолкала, а сверху толстые, свежие (только что вырубленные) палки положила’ (шур.) [2, 32].

Глагол *вортты* возможен и в контекстах, где исходная семантика перемещения трансформируется в «погружение в жидкость». Происходит сдвиг значения, в конструкции появляется лексема *вүр* ‘кровь’ в дательном-направительном падеже: *вүра вортты* ‘спорить (букв.: в кровь толкать)’: *Муй мин нәртама вүра вортты питләмән* ‘Зачем мы напрасно будем спорить (букв.: в кровь толкаться)’ (каз.) [23, 333]; *Лын вүра вортләән* ‘Они спорят (букв.: в кровь толкаются)’ (каз.) [23, 91]. При переходе данного

глагола в семантическую зону глаголов речи в контексте присутствует сема «интенсивности».

В одном из переносных употреблений глагол *вортты* выражает семантику негативного отношения со стороны говорящего «жадно есть / пить не в меру»: *Па ци вортәл* ‘Опять жрёт’ (каз.) [22, 64]; *Йәмәс ворта* ‘Жри хорошо’ (шур.) [6, 31]; *Ин нүләл ци ворт=амт=сәлэ* ‘Этот кусочек он сожрал’ (каз.) [23, 63]. Семантическая обоснованность такого перехода остаётся неясной, однако можно предположить что, данное значение реализуется в контексте с метафорическим «контейнером», где своеобразным вместилищем выступает орган экспериенцера – желудок.

За счёт ситуаций с контейнером семантика глагола *вортты* проходит вторую ступень метафоризации от значения «жадно есть / пить», переходит в социальную сферу, образует метафору «уничтожить при помощи магического действия» (ср. *мүлты* ‘колдовать; молить; заклинать’; *мүләсты* ‘колдовать; слать проклятие, желать недоброе’), имеет яркую эмоционально-экспрессивную семантику: *Рәтналәл хүй ци вортсәлэ* ‘Всю свою родню уничтожила (букв.: сожрала)’ (каз.) [8, 51].

В сочетании со словом *сәсы* ‘слопец’ появляется значение «насторожить». Глагол может присоединять превербы *нух, ил*, которые меняют направление перемещения: *Сәсәл нух вортсәлэ* ‘Он насторожил слопец (букв.: вверх толкать)’ (каз.) [23, 343]; *Пән ил вортты* ‘Гымгу закрепить в воде (букв.: вниз толкать)’ (каз.). В данном случае меняется вектор перемещения (горизонтальный → вертикальный: *нух* ‘вверх’ / *ил* ‘вниз’).

Глагол *пәхәлты*

Полисемантический глагол *пәхәлты* ‘толкать, двигать’ (ср. сург. *пәвләмта*) исходно используется как глагол каузированного перемещения: субъект соприкасается с объектом, применяя при этом некоторую силу, чтобы объект сдвинулся с места: *Ов ци күй пәхәлләлэ* ‘Дверь так и толкает’ (каз.) [23, 441]; *Күтьцәм ики ов пәла пәхәлман туса* ‘Пьяного мужчину, к двери толкая, увели’ (шур.) [2, 107]; *Ин икэн ким пәхәлән* ‘Этого мужчину вытолкайте’ (каз.) [23, 206]; *Пәхнә рыт йәнка пәвләми* ‘Мальчик толкнул лодку в воду’ (сург.). При этом если объект одушевлённый, то действия субъекта сближаются с ситуацией агрессивного воздействия: *Куцтайән мәнәм пәхәлләйм* ‘Костя=твой меня толкает’ (шур.); *Лүв мәнәм пәхәлләлэ* ‘Он меня толкает’ (шур.); *Ал пәхлэ мәнәт, ил ци пәтләм* ‘Не толкай меня, упаду’ (каз.).

Данный глагол претерпевает серьёзный семантический сдвиг и в некоторых контекстах

он полностью утрачивает идею перемещения. Это особенно заметно в конструкциях, где появляются имена со значением инструментов. От исходной семантики остаётся только контакт субъекта с объектом при помощи инструмента: инструмент с острым кончиком или квазиинструмент (*күни оләл* ‘ноготь’, *лүй* ‘палец’ и т. д.). Объект при этом не перемещается, и глагол в таких контекстах относится уже не к полю каузированного перемещения, а к зоне деструктивного воздействия: *Сүв йүхән пәхәлты пәтсәлэ* ‘Он стал тыкать посохом’ (каз.) [23, 441]; *Лүйем интәпән пәхәлмәсәм* ‘Палец иголкой уколола’ (шур.); *И хөйәл лүв күни оләлән пәхәлты пәтсәлэ* ‘Товарища своего начал кончиком ногтя тыкать’; *Хөятәт Асән йәнк порлүйән пәхәлләт* ‘Люди на Оби лёд пешней долбят’ (шур.); *Па мүлсәр пунәл йошәп утән пәхәлмәсыйәм* ‘Как будто мохнатой нечеловеческой рукой существа толкнули меня’ [13, 14]. Действительно, в приведённых выше примерах инструмент тоже перемещается, просто это движение не может интерпретироваться как исходное значение глагола, поскольку инструмент не выступает в позиции прямого объекта, а кодируется местно-творительным падежом =*ән*, содержит в себе сему агрессивного воздействия или связан с идеей отделения части от целого в значении «отколоть»: *Потәм вөй кешийән пәхәллә* ‘Застывший жир ножом откалывают’ (шур.) [2, 107].

Этот же глагол используется и в значении «бодать» в сочетании со словом *оуәт* ‘рога’: *Оуәтлән пәхәлләлэ* ‘Рогами бодается’ (шур.).

Сочетаясь со словами, обозначающими названия насекомых (например: оса, комар, овод, пчела), этот глагол реализуется в значении «укусить»: *Пирәмән пәхәлмәсыйәм* ‘Овод меня укусил (букв.: оводом (я) уколот)’ (каз.).

В переносном значении *пәхәлты* образует метафору, которая репрезентирует поведение беспокойного, суетливого, гиперактивного, подвижного человека со стороны говорящего: *Йөцән илта пәхәллә* ‘Не сидит на месте (букв.: острой палочкой снизу колот его)’ (каз.). Когда же фокус внимания смещается на пациента ситуации (тот, на кого направлено воздействие), меняется и семантика глагола. В этом случае данный глагол может описывать ситуацию физического недомогания, локализованную в каком-либо органе или части тела человека: *Алматыки йөцән пәхәлләйм* ‘Как будто меня остриём колот’ (о физическом состоянии человека) (шур.); *Ма йөцән пәхәлләйм* ‘Колет что-то (букв.: меня острой палочкой тыкают)’

(каз.); *Сәмәм пәхәллә* ‘Сердце=моё колет’ (каз.); *Күрүәләм пәхәлләйнән* ‘Ноги ломит’ (каз.).

Глагол *поткәты*

В шурышкарском и казымском диалектах зафиксирован глагол *поткәты* ‘толкать’ [2, 105], который встречается и в наших материалах. Прототипическое значение данного глагола – воздействовать на объект обычно с применением силы (одушевлённый / неодушевлённый) при помощи рук с целью переместить объект: *Хопем нык поткәсэм* ‘Лодку оттолкнула от берега’ (шур.) [2, 105]; *Тәлта нух вураттәм йүпийән, мәнәт ил поткәм ут пәнк лүвјәл йухи сәнкјәләм* ‘После того, как выберусь отсюда, челности их, меня столкнувшего человека, выбью их’ (каз.). Ближе всего к этой семантике окажутся глаголы *поткалты* в казымском диалекте [8, 232] и *потькалтты* в шурышкарском диалекте [2, 105] ‘похлопывать по плечу или по спине (с целью проявлении ласки, заботы)’. В данном случае наблюдается смежность всех трёх глаголов с зоной контакта (ср. глаголы *хойты* ‘коснуться’ [12]): *Куцайәлән шәнни вүрәл элты, потькалтман, воцхәмаса* ‘Хозяин, похлопывая, [старого коня] по спине погладил’ (шур.) [2, 105]. Однако при появлении в конструкции предложения имени со значением инструмента идея перемещения полностью стирается, в позиции объекта выступает инструмент с острым кончиком (в данном случае *кеши* ‘нож’). Ситуация интерпретируется не перемещением, а деструктивным воздействием, которое описывается как удар при помощи инструмента (ср. *хәтцәты, рескәты* ‘ударить’): *Лүв кешийән пөткәсса* ‘Его ножом ударили’ (шур.) [ПМА: Нахрачев].

Обсуждение и заключение

На первый взгляд кажется, что ситуация каузативного перемещения по поверхности представляется довольно простой: субъект перемещает объект перед собой. Между тем, рассмотренные в настоящей работе данные показывают, что эта она включает в себя множество дополнительных смыслов, которые обуславливают смежность рассматриваемой зоны с другими лексико-семантическими группами глаголов действия, разрушения, речи, боли и физиологического состояния. Семантические свойства трёх базовых глаголов каузативного перемещения по поверхности в хантыйском языке схематично представлены на рис 1.

Как показывает исследованный материал, смежность поля каузативного перемещения

с другими семантическими полями может проявляться не только в сочетании лексических значений, но и в конструкционном варьировании, а также системе метафор. Например, глаголы *поткәты, пәхәлты* могут описывать как перемещение предмета (кодировать конечную точку), так и воздействие (результат), если в конструкции появляется инструмент. Глагол *пәхәлты* ‘толкать’ относится как к полю каузативного перемещения (*ов пәхәлты* ‘толкать дверь’), так и к лексико-семантической группе глаголов воздействия при помощи инструмента: *Jiwләһән wület walән рәхл=йәл=ләјәт* ‘Отчим оленей хореем подгоняет (букв.: тыкает-их)’ (каз.). Морфологически он выражается формами с итеративной семантикой – к глаголу присоединяется суффикс *=ыйәл*, который передаёт аспектуальное значение многократности действия. Данный семантический перенос нельзя расценивать как простую метонимию, так как метонимический сдвиг в данном случае выходит за пределы одного поля (перемещение объекта → деструктивное воздействие на объект).

Согласно концепции Е. В. Падучевой относительно механизмов семантической деривации [14], основанных на мене тематического класса глагола – этот же глагол перемещения *пәхәлты* становится глаголом физиологического состояния. Идея каузативного перемещения утрачивается. Помимо этого происходит мена типа участника события – вместо активного агенса (субъекта) появляется инактивный экспериенсер. В случае сочетания с названиями частей тела происходит метафоризация значения глагола, который начинает описывать собственно болевые ощущения, как правило, длительного характера. Здесь мы имеем дело с нестандартным метафорическим сдвигом, т. к. переход от предельных динамических ситуаций к стативам всегда усложняет механизм метафоры.

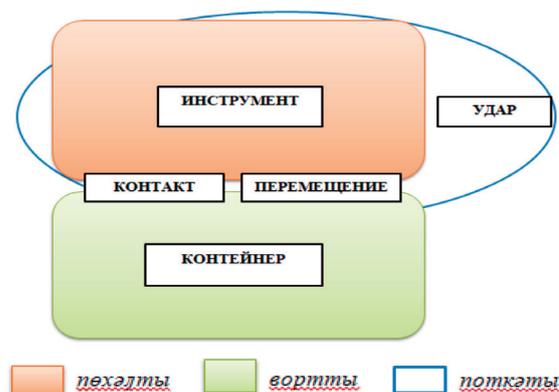

Рис. 1. Устройство семантического поля каузативного перемещения в хантыйском языке

Сүвэн мүй пай пөхэлдэлэ → Хунэм йөщэн пөхэлдэ

Посох земля бугор тыкать живот=EXP остриё=Instr колоть=PASS

‘Он тыкает бугор посохом’ → ‘В животе покалывает (букв.: острой палочкой тыкают)’.

Кроме того, при семантическом сдвиге требуется существенно больше формальных преобразований: как видно из примеров выше, они затрагивают не только синтаксические, но и морфологические характеристики исходных глаголов. Во-первых, стативизирующий эффект достигается за счёт изменения спряжения глагола. Боль характеризуется непрерывным длительным ощущением и, соответственно, чаще концептуализуется именно как состояние. Во-вторых, в семантике глагола возможна одновременная мена одних и добавление других участников ситуации (бугор→живот). Замена участников приводит к и семантическому сдвигу в глаголе *вортты*.

Кроме того, изменяются и свойства прототипического объекта: был тяжёлый, неподъёмный предмет, который перемещается

в контакте с поверхностью (*хонэл вортсэлэ* ‘толкает лодку от берега’) – стал лёгкий, можно нести руками и положить в контейнер (*көрэл йүхэн вортсэлэ* ‘полено положил в печь’). Данный глагол *вортты* развивает значение ‘жрать – жадно и много есть, пихать в себя, обжираться; пить запоем’: *Хулмет хйтла йис, па ци вортэл, хун на тйрэнла*, ‘Третий день уже пьёт (букв.: жрёт), когда хоть насытится’ (шур.). Происходит метафорический перенос в физиологическую сферу. Одно из возможных объяснений состоит в том, что желудок концептуализируется как переполненный контейнер. Указание на контейнер как цель перемещения (толкать/пихать во что-либо) существенно изменяет семантику глагола, он перешёл в сферу физиологии: *Па ци вортэл* ‘Опять жрёт’ (каз.).

Диалекты хантыйского языка

каз. – казымский диалект; сург. – сургутский диалект; шур. – шурышкарский диалект.

Список источников и литературы

1. Волкова А. Н., Соловар В. Н. Хантыйско-русский тематический словарь (сургутский диалект). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 212 с.
2. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарева, С. В. Онина, А. А. Шиянова. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
3. Каксин А. Д. Глагольное выражение семантики восприятия в казымском диалекте хантыйского языка // Филология и человек. 2017. № 3. С. 163–171.
4. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. О лексико-семантической группе глаголов эмоции (на примере хакасского и хантыйского языков) // Урал – Алтай: через века в будущее. Материалы Всерос. науч. конф. (г. Уфа, 1–5 июля 2005 г.). Уфа: Гилем, 2005. С. 47–50.
5. Кондина Г. Р., Соловар В. Н. Глаголы интеллектуальной деятельности в обско-угорских языках // Вестник урovedения. 2022. Т. 12. № 2. С. 245–254.
6. Лельхова Ф. М. Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект). Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012. 207 с.
7. Лельхова Ф. М. Семантическая структура глаголов движения питты, рэкэнты ‘падать’ в хантыйском языке // Вестник урovedения. 2013. № 4 (15). С. 52–57.
8. Лозямова З. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: Тюменский издательский дом, 2020. 384 с.
9. Молданова И. М. Словообразовательные модели хантыйского глагола: семантика и функционирование (на материале казымского диалекта): дис. ... канд. филол. наук. Ханты-Мансийск, 2020. 334 с.
10. Нахрачева Г. Л. Глаголы болевых ощущений в обско-угорских языках: семантика и механизмы семантической деривации // Вестник урovedения. 2019. Т. 9. № 4. С. 681–691.
11. Нахрачева Г. Л. Глагольные метафоры боли в обско-угорских языках // Вестник урovedения. 2020. Т. 10. № 2. С. 292–302.
12. Нахрачева Г. Л. Семантика глагола ‘коснуться’ в обско-угорских языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 7. С. 2219–2223.
13. Невероятные истории из жизни казымских ханты / сост. Е. Д. Каксина. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2018. 60 с.
14. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004. 608 с.
15. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
16. Резникова Т. И. Нестандартные семантические переходы в типологической перспективе: дис. ... д-ра. филол. наук. Москва, 2023. 334 с.
17. Сказки Гришкина Геннадия Григорьевича / сост. П. Т. Тарлин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012. 132 с.
18. Сказки Иныревой Екатерины Григорьевны (казымский диалект хантыйского языка) / сост. С. Д. Дядюн. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2016. 80 с.

19. Соловар В. Н. Одноактантные элементарные простые предложения с семантикой движения в хантыйском языке // Теоретические вопросы лексикологии и синтаксиса хантыйского языка. Ханты-Мансийск: «Печатное дело», 2010. С. 72–81.
20. Соловар В. Н. Семантика глаголов перемещения и формируемые ими элементарные простые предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Вестник ВятГУ. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-glagolov-peremescheniya-i-formiruemye-imi-elementarnye-prostye-predlozheniya-v-hantyyskom-yazyke-na-materiale-kazymskogo> (дата обращения: 13.09.2024).
21. Соловар В. Н. Семантическая классификация глаголов по способу осуществления движения // Вестник угроведения. 2016. № 4 (27). С. 58–67.
22. Соловар В. Н. Глаголы колебательного движения в лексико-семантической системе хантыйского языка // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 301–308.
23. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 689 с.
24. Соловар В. Н. Обско-угорские глаголы с провербами деструктивной семантики // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1 (52). С. 143–149.
25. Соловар В. Н. Семантика глаголов вращения в хантыйском языке // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-glagolov-vrascheniya-v-hantyyskom-yazyke> (дата обращения: 13.09.2024).
26. Evans N. Semantic typology // The Oxford Handbook of Linguistic Typology. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. Pp. 504–533.
27. Koptjevskaja-Tamm M. Approaching Lexical typology // From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. Pp. 3–52.
28. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. Pp. 242.
29. Steinitz W. Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991. Vol. I–XV. 2023 p.
30. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. Band IV. P. 497.

Полевые материалы автора

ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция в г. Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ, июль 2023 г. (информант: Л. Н. Нахрачев, 1953 г. р.).

References

1. Volkova A. N., Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij tematiceskij slovar' (surgutskij dialekt)* [Khanty-Russian thematic dictionary (Surgut dialect)]. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena Publ., 2018. 212 p. (In Khanty, Russian)
2. Valgamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shiyanova A. A. *Dialektologičeskij slovar' hantyjskogo jazyka (shuryshkarskij i priural'skij dialekt)* [Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Uralic dialects)]. Yekaterinburg: Basko Publ., 2011. 208 p. (In Khanty, Russian)
3. Kaksin A. D. *Glagol'noe vyrazhenie semantiki vospriyatija v kazymskom dialekte hantyjskogo jazyka* [Verbal expression of the semantics of perception in the Kazim dialect of the Khanty language]. *Filologija i čelovek* [Philology and Man], 2017, no. 3, pp. 163–171. (In Russian)
4. Kaksin A. D., Chertykova M. D. *O leksiko-semantičeskoj grupe glagolov emocii (na primere hakasskogo i hantyjskogo jazykov)* [About the lexical-semantic group of verbs of emotion (on the example of the Khakass and Khanty languages)]. *Ural – Altaj: čerez veka v buduščee. Materialy Vseros. nauch. konf. (g. Ufa, 1–5 iyulya 2005 g.)* [Ural – Altai: through the centuries into the future. Materials of the All-Russian scientific conference (Ufa, July 1–5, 2005)]. Ufa: Gilem Publ., 2005. Pp. 47–50. (In Russian)
5. Kondina G. R., Solovar V. N. *Glagoly intellektual'noj deyatel'nosti v obsko-ugorskih jazykah* [Verbs of intellectual activity in the Ob-Ugric languages]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (2), pp. 245–254. (In Russian)
6. Lelkhova F. M. *Slovar' glagolov hantyjskogo jazyka (shuryshkarskij dialekt)* [Dictionary of the verbs of the Khanty language (Shuryshkar dialect)]. Khanty-Mansiysk: Novosti Yugry Publ., 2012. 207 p. (In Khanty, Russian)
7. Lelkhova F. M. *Semantičeskaja struktura glagolov dvizheniya pittы, räkänty 'padat' v hantyjskom jazyke* [Semantic structure of the verbs of the movement pittы, räkänty 'to fall' in the Khanty language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2013, no. 4 (15), pp. 52–57. (In Khanty, Russian)
8. Lozyamova Z. N. *Hantyjsko-russkij slovar' (kazymskij dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Tyumen: Tyumenskij izdatel'skij dom Publ., 2020. 384 p. (In Khanty, Russian)
9. Moldanova I. M. *Slovoobrazovatel'nye modeli hantyjskogo glagola: semantika i funkcionirovanie (na materiale kazymskogo dialekta)* [Word-formation models of the Khanty verb: semantics and functioning (based on the material of the Kazym dialect)]. Khanty-Mansiysk, 2020. 334 p. (In Russian)
10. Nakhracheva G. L. *Glagoly bolevyh oshchushčenij v obsko-ugorskih jazykah: semantika i mekhanizmy semantičeskoj derivacii* [Verbs of pain in the Ob-Ugric languages: lexical typology and mechanisms of semantic derivate]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 681–691. (In Russian)
11. Nakhracheva G. L. *Glagol'nye metafory boli v obsko-ugorskih jazykah* [Verbal metaphors of pain in the Ob-Ugric languages]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (2), pp. 292–302. (In Russian)
12. Nakhracheva G. L. *Semantika glagola 'kosnut'sya' v obsko-ugorskih jazykah* [Semantics of the verb 'to touch' in the Ob-Ugric languages]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2022, no. 15 (7), pp. 2219–2223. (In Russian)

13. *Neveroyatnye istorii iz zhizni kazymskih hany* [Incredible Stories from the Life of the Kazym Khanty people]. Comp. E. D. Kaksina. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Khanty-Mansiysk Publ., 2018. 60 p. (In Khanty, Russian)
14. Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2004. 608 p. (In Russian)
15. Rakhilina E. V., Reznikova T. I. *Freimovyi podkhod k leksicheskoi tipologii* [Frame approach to lexical typology]. *Voprosy iazykoznanii* 2 [Issues of linguistics 2], 2013, no. 2, pp. 3–31. (In Russian)
16. Reznikova T. I. *Nestandartnye semanticheskie perekhody v tipologicheskoy perspective* [Non-standard semantic transitions in a typological perspective]. Moscow, 2023. 334 p. (In Russian)
17. *Skazki Grishkina Gennadiya Grigor'evicha* [Tales of Gennadiy Grigoryevich Grishkin]. Comp. P. T. Tarlin. Khanty-Mansiysk: Novosti Yugry Publ., 2012. 132 p. (In Khanty, Russian)
18. *Skazki Inyrevoj Ekateriny Grigor'evny (kazymskij dialekt hanyjskogo yazyka)* [Tales of Inyreva Yekaterina Grigoryevna (Kazym dialect of the Khanty language)]. Comp. S. D. Dyadyun. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Khanty-Mansiysk Publ., 2016. 80 p. (In Khanty, Russian)
19. Solovar V. N. *Oдноактантные элементарные простые предложения с семантикой движения в хантыском языке* [One-actant elementary simple sentences with the semantics of movement in the Khanty language]. *Teoreticheskie voprosy leksikologii i sintaksisa khantyjskogo yazyka* [Theoretical issues of lexicology and syntax of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk: izd-vo "Pechatnoe delo" Publ., 2010. pp. 72–81. (In Russian)
20. Solovar V. N. *Semantika glagolov peremeshcheniya i formiruemye imi элементарные простые предложения в хантыском языке (на материале казымского диалекта)* [Semantics of verbs of displacement and elementary simple sentences formed by them in the Khanty language (based on the material of the Kazym dialect)]. *Vestnik VyatGU* [Bulletin of the Vyatka State University], 2011, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-glagolov-peremescheniya-i-formiruemye-imi-elementarnye-prostye-predlozheniya-v-hantyjskom-yazyke-na-materiale-kazymskogo> (accessed September 13, 2024). (In Russian)
21. Solovar V. N. *Semanticheskaya klassifikatsiya glagolov po sposobu osushhestvleniya dvizheniya* [Semantic classification of verbs according to the method of implementation of the movement]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 4 (27), pp. 58–67. (In Russian)
22. Solovar V. N. *Glagoly kolebatel'nogo dvizheniya v leksiko-semanticheskoy sisteme hanyjskogo yazyka* [Verbs of oscillatory movement in the lexical-semantic system of the Khanty language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (2), pp. 301–308. (In Russian)
23. Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij slovar' (kazymskij dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2020. 689 p. (In Khanty, Russian)
24. Solovar V. N. *Obsko-ugorskie glagoly s preverbami destruktivnoj semantiki* [Ob-Ugric verbs with the preverbs of destructive semantics]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (1/52), pp. 143–149. (In Russian)
25. Solovar V. N. *Semantika glagolov vrashcheniya v hanyjskom yazyke* [Semantics of verbs of rotation in the Khanty language]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* [Polylingualism and Transcultural Practices], 2023, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-glagolov-vrascheniya-v-hantyjskom-yazyke> (accessed September 13, 2024). (In Russian)
26. Evans N. *Semantic typology*. The Oxford Handbook of Linguistic Typology. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. Pp. 504–533. (In English)
27. Koptjevskaja-Tamm M. *Approaching Lexical typology. From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations*. Ed. M. Vanhove. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2008. Pp. 3–52. (In English)
28. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. Pp. 242. (In English)
29. Steinitz W. *Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991. Vol. I–XV. 2023 p. (In German)
30. Steinitz W. *Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie*. Berlin: AkademieVerlag, 1980. Band IV. 497 p. (In German)

Field materials of the author

Field materials of the author – *Polevye materialy avtora. Ekspeditsiya v g. Salekhard, Yamalo-Nenetskij avtonomnyj okrug, iyul' 2023 g. (Informant: L. N. Nahrachev, 1953 g. r.)* [Field materials of the author. Expedition to Salekhard, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, July 2023 (Informant: L. N. Nahrachev, 1953 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нахрачева Галина Леонидовна, ведущий научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А), кандидат филологических наук.

galina_h-m@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2700-4437

ABOUT THE AUTHOR

Nakhracheva Galina Leonidovna, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira Str., 14A), Candidate of Philological Sciences.

galina_h-m@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2700-4437